

Когда Е Наньфэн только прибыл сюда, он никак не мог привыкнуть к этим светильникам. Сколько бы свечей и масляных ламп ни зажигали, они всё равно не могли сравниться с ярким, как днём, светом энергосберегающих ламп. Но, учитывая обстоятельства, сейчас ничего не поделаешь.

Трое мужчин — отец и двое сыновей — весело беседовали в кабинете, когда служанка доложила, что прибыла княгиня. Разговоры сразу же прекратились.

Через мгновение в кабинет вошла прекрасная женщина. При лунном свете её голову украшал лотосовый венец, роскошное платье было расшито золотыми пионами, а на руках сверкал ярко-красный лак для ногтей. Её черты лица были словно нарисованы, но взгляд её пронзительных глаз-фениксов вызывал некоторый дискомфорт.

На её лице был густой слой косметики, явно нанесённый с особым старанием. Однако для Е Наньфэна этот макияж казался настолько уродливым, что на него было больно смотреть. Он не мог удержаться от мысли, что эстетика людей Сюаньци просто убивает. Во всех знатных женщинах, которых он видел в памяти предыдущего владельца тела, щёки были густо накрашены румянами, а губы подкрашены ярко-красным, что делало их похожими на бумажные фигурки, которые сжигают для умерших.

Раньше Е Наньфэн смутно думал, что, избегая главной героини, он сможет найти подходящую женщину и прожить с ней жизнь, что было бы идеально. Ведь в прошлой жизни он так много трудился ради семьи, что у него не было времени на романтические увлечения, и он ни разу не был с женщиной. Однако, вспомнив всех женщин, которых он видел в памяти предыдущего владельца тела, он окончательно отказался от этой идеи, решив, что одиночество — тоже неплохой выбор.

Е Наньмянь, увидев свою мать, радостно подпрыгнул, но затем, вспомнив о чём-то, тут же выпрямился и почтительно поклонился, мягко произнеся:

— Сын приветствует матушку.

Е Наньфэн также встал и сказал:

— Сын приветствует матушку.

По сравнению с волнением Е Наньмяня, его голос звучал более отстранённо.

Ян Фэнлань лишь мельком взглянула на Е Наньфэна, затем перевела взгляд на своего сына и мужа, удовлетворённо сказав:

— Встаньте.

Е Наньмянь:

— Благодарю, матушка.

Е Наньфэн:

— Благодарю, матушка.

Ян Фэнлань кивнула служанкам, стоявшим позади неё, и те быстро расставили на столе угощения и чай.

Ян Фэнлань:

— Я принесла немного сладостей. Вы, должно быть, устали от чтения. Садитесь и перекусите.

Трое мужчин сели за стол. Е Наньмянь сладко добавил:

— Матушка, садитесь с нами.

Его большие круглые глаза смотрели с надеждой.

Эти глаза было невозможно игнорировать. Ян Фэнлань взглянула на мужа, улыбнулась и кивнула:

— Хорошо.

Е Наньмянь вдруг подпрыгнул с места, радостно воскликнув:

— Ура!

Несмотря на строгость матери, дети от природы тянутся к ней. Услышав, что мать согласилась поесть с ними, он забыл даже о самых строгих правилах приличия и просто подпрыгнул от радости.

Ян Фэнлань на этот раз не стала ругать его за нарушение этикета, а лишь улыбнулась, села и начала неторопливо есть, время от времени передавая Е Наньмяню сладости.

Е Чуйгань взглянул на своего старшего сына, который сидел тихо, словно невидимка. Его изящное лицо уже предвещало, каким красивым он станет в будущем. Каждое его движение было грациозным, напоминая того человека.

Е Наньфэн удивлённо посмотрел на руку, протянутую перед ним, и увидел, что его номинальный отец держит пирог с грушей, улыбаясь с добротой, словно говоря: «Ешь скорее».

Е Наньфэн взял пирог, поблагодарил и почувствовал, как Е Чуйгань ласково погладил его по голове.

Е Наньфэн: «...»

Он медленно прожевал пирог, странно ощущая, что обычно приторный десерт сегодня оказался довольно вкусным.

Е Наньфэн спокойно доел пирог, в то время как Е Наньмянь был на седьмом небе от счастья. Даже не разговаривая во время еды, он был так рад, что его белое личико сияло от счастья, словно он готов был поставить на свои брови двух маленьких человечков, чтобы они танцевали от радости.

— Матушка.

Закончив есть, Е Наньмянь бросился в объятия матери, потираясь головой о неё, как довольный котёнок.

На обычно строгом лице Ян Фэнлань появилась нежная улыбка. Она погладила голову сына, уголки её губ слегка приподнялись.

Ян Фэнлань:

— Ты уже большой, а всё ещё пристаёшь к матушке.

Несмотря на упрёк, её голос был мягким и ласковым, как весенний ветерок.

Е Наньмянь:

— Матушка давно меня не обнимала.

Ян Фэнлань задумалась. Кажется, после трёх лет она перестала обнимать сына. Даже имея только одного ребёнка, она была достаточно строга, отправив его в императорскую школу, и он всё реже проявлял к ней привязанность.

Как будто желая компенсировать это, её изысканные руки снова погладили голову младшего сына, и ей захотелось отказаться от всех наставлений, чтобы он всегда оставался рядом.

Но эта мысль промелькнула так быстро, что Ян Фэнлань едва успела её уловить.

Е Наньмянь почувствовал тепло материнской руки на своей голове, и его сердце наполнилось теплом.

Е Наньмянь:

— Матушка, я уже вырос. Через два месяца мне исполнится семь лет, и я хочу переехать из заднего двора, чтобы жить с братом и учиться, чтобы матушка больше не беспокоилась. Отец уже согласился. Матушка, ты согласна?

Рука Ян Фэнлань замерла. Она взглянула на Е Чуйганя и, увидев в его глазах поддержку и просьбу, с трудом сдержала раздражение, опустила глаза и продолжила гладить голову сына, но ничего не сказала.

Е Наньмянь поднял голову, с надеждой глядя на мать, потянул за её рукав и сладко сказал:

— Матушка...

Его голос был настолько трогательным, что Е Наньфэн невольно улыбнулся.

Ян Фэнлань: «...»

Этот голос смягчил её сердце, и она, взглянув на старшего сына принца Линъань, который всё это время молчал, перевела взгляд на своего ребёнка.

Ян Фэнлань:

— Почему ты хочешь переехать из заднего двора и жить с Наньфэном?

Е Наньмянь:

— Потому что брат всё время читает. Отец говорил, что мужчина должен добиваться успехов и стать опорой страны. Матушка тоже всегда напоминает мне, что я должен учиться, помня, что я потомок императорской семьи, и не позорить её. Старший советник сказал, что брат спокоен и, если он сможет помочь мне учиться, я тоже смогу многого добиться.

Услышав это, оба «заинтересованных лица» невольно усмехнулись.

Е Чуйгань подумал: «Я разве говорил такое? Удивительно».

Е Наньфэн подумал: «Тайфу сказал только первые две фразы, и то потому, что этот малыш швырнул записку на уроке, и Тайфу это заметил. Последнюю фразу он точно не говорил».

Ян Фэнлань, не зная их мыслей, многозначительно посмотрела на Е Чуйганя.

Е Чуйгань, ради планов младшего сына и ради их братской гармонии, предпочёл не отрицать свои слова и лишь неловко улыбнулся, когда Ян Фэнлань посмотрела на него.

Ян Фэнлань задумалась, а затем сказала:

— Раз Тайфу так сказал, ты будешь учиться вместе с Наньфэном. Что касается переезда, ты можешь ходить к Наньфэну, но у тебя должен быть свой двор. Иначе люди подумают, что в поместье Линъань-вана даже двора для наследника не хватает.

Е Чуйгань подумал: «Как и ожидалось».

Е Наньмянь был недоволен, но понимал, что это максимальная уступка со стороны матери, и неохотно кивнул.

Е Наньмянь:

— Хорошо, матушка. Отец сказал, что завтра выходной, и мне не нужно идти в школу. Двор можно подготовить, и послезавтра я пойду в школу прямо оттуда.

Е Чуйгань: «...»

Когда я это говорил?

Е Наньфэн подумал: «Вот это да, настоящий член императорской семьи!»

Ян Фэнлань, услышав это, замерла, глядя на сына, который уже был ей по пояс. Она вспомнила, как он только родился, и не могла поверить, что он уже готов переехать из заднего двора.

Ян Фэнлань улыбнулась:

— Хорошо. Завтра я велю приготовить для вас двор. Сегодня ты спи в заднем дворе.

Е Наньмянь украдкой взглянул на Е Наньфэна и недовольно буркнул:

— Понял, матушка.

<http://bllate.org/book/15521/1379564>